

Трансфинитная экономика

Infinitum actu non datur.
Аристотель

Заявленная временем повестка дня — «Неэкономические компоненты мирового кризиса» — предполагает комплексное обсуждение происходящего на наших глазах тектонического сдвига цивилизационной ситуации, причин и параметров глобального кризиса, а также хотя бы предварительную дешифровку прописей посткризисного глобального ландшафта.

Переживаемые миром социальные и экономические потрясения ставят великое множество

вопросов. В результате область дискуссий неуклонно расширяется, сдвигаясь от рассмотрения актуальных и болезненных финансово-экономических проблем к анализу многих иных, сопряженных с глобальной перестройкой факторов.

Да и можно ли сегодня уклониться от рассмотрения иных аспектов универсальной трансформации, всей совокупности политических, правовых, концептуальных, культурных, методологических, антропологических факторов, равно как и самой мутационной генетики кризиса, и от осмысления непростых

связей обозначенных выше феноменов, которые он вскрывает? К тому же именно в теле нынешней «неоэкономики-хрематистики» просматриваются признаки фундаментального преобразования человеческой практики.

Развилка истории

Действительно, «кризис» (krisis — поворотный пункт) означает ситуацию, которая неразрешима привычными средствами. Это своего рода перелом и переворот, своеобразная «железнодорожная стрелка», меняющая направление привычного русла событий, императив пересмотра сложившихся ранее стереотипов и схем действия.

Последние потрясения мировой экономики прямо увязываются с мерой реализации в человеческом сообществе ряда новых феноменов и тенденций: глобализации экономической деятельности, универсальной подвижности финансов, стремительно растущей роли нематериальных активов... Вся эта конструкция зиждется на фундаменте не только информационно-

Неклесса Александр Иванович — философ и политолог, председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро «История мировой культуры» при Президиуме РАН; заместитель генерального директора Института экономических стратегий Отделения общественных наук РАН.

Публикуемый материал представляет собой доклад на заседании Никитского клуба «Неэкономические компоненты мирового кризиса». Текст доклада с небольшими сокращениями и изменениями опубликован в «Независимой газете» 8 июня 2009 г.

коммуникационных, но и иных высокотехнологичных достижений цивилизации как в технической, так и в социальной сферах.

Что же в таком случае будет означать выход из глобальной рецессии, перемальвание других составляющих нынешнего финансово-экономического нестроения? Произойдет ли стабилизация прежней хозяйственной механики, пусть и временная? Или же в состоянии мирового хозяйства/глобального сообщества изменится нечто более существенное и человечество — несколько неожиданно для себя — окажется «по ту сторону» современного горизонта?

Другими словами, вопрос заключается в следующем: является ли текущий кризис самостоятельным, хотя и бурным проявлением «технологических» несовершенств мирового экономического порядка или он есть предвестник и составная часть более общего явления, далеко выходящего за рамки финансово-экономической области, а если говорить без обиняков, совершающегося на глазах исторического перелома?

Ряд факторов указывает именно на это. Нынешний кризис, судя по всему, является системным, т.к. развивается параллельно политическим метаморфозам — очевидной трансформации прежней национальной государственности, приобретающей иное качество, рождая попутно новые формулы государственности от квазисуверенных территорий до мировых регулирующих органов или стран-систем наподобие Шенгена и т.п.

Однако более существенно, что кризис включает в себя смысловые («идейные») аспекты, производя точечные культурные, меняя в итоге прежнюю общепринятую систему ценностей на некий новый ее регламент, фор-

мируя предпосылки для реализации нового мирового правового порядка. Достаточно привести пример с тем же государственным суверенитетом, плавно меняющимся на наших глазах в качестве основы правового регулятора внешнеполитических конфликтов на главенство суверенитета той или иной общности — этнической, конфессиональной или иной, — угнетение или враждебные акции по отношению к которой могут служить легитимным предлогом для «принуждения к миру». Можно привести и другие примеры.

Аналогичным образом претерпевает трансформацию правовое регулирование многообразных форм транснациональных экономических взаимодействий, прежде всего финансового права как инструмента системного регулирования данной сферы, переживающей фундаментальный транзит. На повестке дня оказываются также вопросы реформирования мировой системы финансового надзора; статуса и формата деятельности международных финансовых организаций; правовая база глобальной валютной системы и форм ее реализации.

Сегодня человечество шаг за шагом приближается к «центру циклона» — крупномасштабному социальному транзиту.

Но, пожалуй, главное — это опознание, формулирование новой мировоззренческой парадигмы, определяющей идейное содержание и целостность всей правовой конструкции.

Смысл и содержание моего рассуждения — именно в анализе предпосылок и генетики этой мировоззренческой парадигмы, реализуемой прежде всего в сфере усложняющихся финансовых операций и все более изощренных манипуляций с нематериальными активами.

Все же вместе взятое свидетельствует: сегодня человечество шаг за шагом приближается к «центру циклона» — крупномасштабному социальному транзиту, который изменит не только политические, экономические и правовые основания практики, но само восприятие человеком базовых ценностей и природы бытия, регламент межличностных и групповых отношений.

Игры разума

Для уяснения пропорций и содержания мировой коллизии, обуявшей планету, — думается, пока первым, далеко не девятым валом — попробуем, пусть и максимально кратко, обсудить проблему оснований человеческой практики. Проблему, надо сказать, запутанную в принципе, хотя бы из-за различия в мировоззрениях разных групп населения планеты. Но вдвойне усложненную переходным характером эпохи.

Суть человеческой практики — истории — есть постоянная борьба человеческого интеллекта, духа с разного рода ограничениями в виде природных обременений и социальных господств. И тут, пожалуй, не удастся избе-

жать одной болезненной темы. В профессиональных разговорах и дискуссиях не так уж редко приходится сталкиваться с распространенной абберацией восприятия экономики как полноценной науки, имеющей столь же твердые основания, т.е. «предметное поле», что и науки естественные (отсюда соответствующие ожидания относительно экономического анализа). Это, конечно же, не так. Кстати, схожая проблема существует у математики, науки «точной», но не «естественной», в ряде сфер не

имеющей своего «физического» предметного поля и потому подверженной «спекулятивному», т.е. умозрительному произволу. Однако математику мы пока оставим в стороне.

Основное же предметное поле экономики — человеческая практика, область взаимоотношений людей, где действуют не устойчивые константы, как, скажем, в физике, а зависящие от состояния общества «аксиомы», т.е. исторически и юридически закрепленные «консенсусы», способные, однако же, время от времени претерпевать серьезные трансфор-

Традиционный шумпетерианский локомотив по мере приближения конца века все чаще пробуксовывал и существенно менял обличье.

мации, связанные, в том числе, с изменением мировоззренческих основ и взглядов человечества на смысл бытия и бытия, но также со стратегическими договоренностями основных «полевых игроков» или «прорабов глобальной перестройки».

Другими словами, экономика — определенная форма дисциплинарного знания, но дисциплина эта социальная, гуманитарная. Образно говоря, один из разделов «языкознания» общественной природы человека. (Здесь, кстати, кроется ответ на вопрос, почему Альфред Нобель не учредил премии по экономике.) Утверждая в обществе исторически и социально обоснованные доминантные «правила игры», мы между тем способны теоретически представить (и практически реализовать) совершенно иные форматы привычных областей практики, или, как их подчас называют, парадигмы человеческих взаимоотношений (в том числе и экономических). Они могут заметно, а то и радикально отличаться от тех, к которым мы так привыкли, что считаем их чуть ли не единственными возможными.

Это относится, конечно, не только к экономике, но и к любым другим областям практики.

Приведу один достаточно простой, хотя и скучноватый пример. Базовый экономический цикл, с которым мы свыклись — сбор урожая, его хранение, распределение, продажа, формирование товарного рынка и т.д. Все это, если вдуматься, проистекает из определенных географических и климатических условий. Скажем, в Африке (рассматриваемой как самостоятельный и автономный ареал) подобный цикл — нонсенс. Действуя таким обра-

зом, люди получили бы в итоге полусгнившие продукты. Поэтому хозяйственная практика в свое время носила там весьма специфический характер и борьба велась не за продукт, как таковой, а за контроль над территориями произрастания продукта. А роль холодильников и хранилищ исполняла... природа.

Можно было бы также привести иные примеры, но это увело бы нас далеко в сторону от основной темы...

Поскольку экономика есть часть практики, за ее доминирующим сегодня форматом можно различить — помимо объективно достигнутого уровня развития общества — определенные интересы и группы влияния. Столкновения между подобными источниками силы и влияния в значительной мере определяют конъюнктурный характер, который принимает феномен, называемый экономикой.

Примером могла бы послужить история Киотского протокола или шире — вся проблематика, связанная с ценностью (во

всех смыслах) как традиционных, так и нетрадиционных ресурсов.

Если бы в мире соответствующим образом (тут-то и возникает незамысловатый на первый взгляд вопрос: соответствующим чему?) оплачивалась экология, а общественное внимание было перманентно сосредоточено на «пределах роста», то, возможно, актуальная экономическая иерархия в какой-то момент «перевернулась» бы — Юг обретал бы дополнительные весомые источники дохода, а экономика Севера могла бы оказаться в подобной системе геоэкономических взаимоотношений зависимым должником...

Борьба за будущее

Что же касается процесса трансформации экономики, то в течение последнего столетия действительно произошли серьезные сдвиги в понимании того, как будет развиваться экономика и в чем ее суть.

Наиболее известный кризис, который впечатался в наше сознание, — Великая депрессия. Это был кризис индустриального мира, но, надо сказать, кризис несколько парадоксальный, поскольку он был связан с прорывом в индустриальном производстве, с изобилием дешевых вещей. Для прежней конструкции мира с его тарифными барьерами и протекционистской психологией он оказался чуть ли не смертельным ударом.

Кризис же, наметившийся где-то в последней трети прошлого века, был более размыт во времени и связан с большим количеством факторов, в том числе с падением производительности прежних форм капитала и ростом значения новых, нематериальных активов, а также с почти сакраментальным вопросом: кому все же будет принадлежать новый мир, проблемски которого становились уже тогда все более явными? Кто станет в нем господствовать? Индустри-

альный капитал, страны, владеющие тем или иным остро востребованным сырьем, или сформировавшийся в тот момент альянс финансов, информации, интеллекта и креативности?

Борьба за освоение будущего, за его «приватизацию» велась одновременно по различным направлениям. Были сформулированы и применены на практике высокие геоэкономические технологии: «новые деньги» (обеспеченные новыми активами, в частности символическим капиталом); глобальный долг (который в принципе не может быть выплачен и по своей сути является формой «колонизации будущего»); структурная адаптация (перестройка) и финансовая стабилизация (влияющая на режим движения природных ресурсов и социальное распределение государственных доходов), управление рисками (позволяющее использовать не только временную, но и вероятностную шкалу в качестве источника активов) и т.д.

Таким образом, традиционный шумпетерианский локомотив, который создавал запас прочности, снижая роль природных ресурсов в мировой экономике, по мере приближения конца века все чаще пробуксовывал и существенно менял обличье. Сыграла роль также смена прежней культурной парадигмы, результатом чего стал рост избыточного, искусственного, престижного потребления слегка закамуфлированных рационализаций технологических клонов и сопряженное отчасти и с этим фактором движение от radical innovations к progressive innovations. Т.е. относительное ослабление радикальной промышленной и энергетической инноватики.

Парадоксальный на первый взгляд тезис, однако если сравнить количество фундаментальных открытий в данных областях в начале, середине и конце века, то будет чему удивиться.

Актуальная бесконечность

Эффективным и по-своему эффективным паллиативом стали между тем набиравшие вес информационные технологии.

Информационная экономика позволила создать принципиально новое предметное поле глобальных финансовых операций, не отягощенных материальными активами, а на его основе — еще одну и весьма емкую нишу для приложения избыточного и теряющего эффективность капитала. Другими словами, был в некотором извращенном смысле воспроизведен шумпетерианский механизм, позволяющий «снимать пенки», сдавая затем освоенные и отработанные столы в глобальном казино игрокам следующего уровня.

Наконец произошел-таки грандиозный рывок финансовой экономики, почувствовавшей возможности новых пространств и инструментария, всех этих производных, вторичных и третичных финансовых инструментов, позволявших вполне легально умножать финансовые активы со всеми издержками «забегания вперед», что наряду с определенными конъюнктурными проблемами и предопределило нынешний кризис.

В чем же внеэкономический компонент этого кризиса? Постсовременная финансовая экономика по-своему решила некую принципиальную проблему, которую когда-то постулировал Георг Кантор, положительно решивший вопрос о допустимости игр с бесконечностью и главное — о возможности их дополнения и умножения.

Математики, кстати, разделились в данном вопросе: некоторые из них считают, что любая операция с бесконечностью, например бесконечность плюс единица или бесконечность, умноженная на бесконечность, есть нонсенс. Другие же полагают подобные операции вполне легитимными, рассматривают их как инструмент, с помощью которого можно выстраивать конструкции, в том числе в прикладных аспектах — т.е. в сфере практики. На этой почве и начало процветать древо деривативов, которое в подобном смысле может процветать и обильно плодоносить вечно.

Действительно, древо вторичных, третичных и т.д., причем чуть ли не любой степени токсичности, финансовых инструментов может быть компенсировано равновеликой по мощи

и глобальному охвату системой страхования рисков (управления ими). Последняя, будучи по своей сути предприятием несколько иной этиологии, способна в то же время оперировать «на поверхности» формально схожей субстанцией — ценными бумагами.

В качестве фундамента подобная футуристическая конструкция потребует наличия глобальной налоговой системы, к примеру по образцу правового формата Киотского протокола и еще — новых оцифрованных (т.е. оцененных либо переоцененных) предметных полей деятельности. Ну, а роль «природного баланса» данной виртуально-цифровой сферы может быть

оказывается уравновешенной потенциальной бесконечностью количественных и качественных характеристик человечества. А возможный и повторяющийся дисбаланс совокупной конструкции намечает версии реализации творческого взлета либо смягчения параметров демографической катастрофы, соотносимых, в свою очередь, с экологическим балансом планеты. И так вплоть до достижения новой точки равновесия между глобальным сообществом и средствами избранного им формата практики.

Это, надо сказать, достаточно впечатляющий алгоритм выстраивания будущего.

Нынешний кризис — это не столько причина, сколько симптом переживаемого глобального перелома, прорастания иной формулы организации мироустройства.

возложена, с одной стороны, на впечатляющие перспективы «человеческого капитала» планеты: скажем, на неограниченные по своему естеству интеллектуальные или творческие активы глобального сообщества. Или, напротив, на становящиеся все более обременительными последствия демографической революции: колоссальное и продолжающееся возрастать число жителей планеты.

Образно говоря, финансы приводят в движение (а соответствующие форматы управляют людьми) примерно так же, как физическая энергия в различных формах (дрова, уголь, нефть, атомная энергетика) приводила и продолжает приводить в действие индустриальные механизмы, а технологические регламенты управляют и управляют машинами.

Таким образом, актуальная бесконечность счетного массива, рассматриваемая как гештальт,

Торг с бесконечностью
Правда и то, что данному процессу существует несколько альтернатив, да и сам он чреват различными моделями реализации. Но именно с методологической точки зрения подобный взгляд на природу финансово-экономической (хремастиче-

ской) практики позволяет постулировать математическую стихию *per se* (в канторовском ее прочтении) в качестве фундаментального источника кредита последней инстанции. Причем источника, не имеющего ограничений с точки зрения собственно «математической», т.е. языковой аксиоматики и в то же время обладающего «счетной целостностью» (в силу специфических качеств актуальной бесконечности). Данное обстоятельство, в свою очередь, позволяет моделировать последовательные трансформации не только монотонного цифрового массива, но также информационного и даже финансового (денежного) континуума. Массива вполне определенного генезиса, но фактически произвольной конфигурации, закрепляемого на практике консенсусом основных субъектов этой же практики.

Конъюнктурная устойчивость подобной диссипативной структуры может поддерживаться как вовлечением в оборот бесконечного числа новых «оцифрованных» элементов (равно как и субъектов действия), так и перманентным изменением значений и соотношений опознанных (оцифрованных, просчитанных, «оцененных») множеств. О принципиальных же основах ее устойчивости — точнее, долговечности, поскольку речь идет о чрезвычайно мобильной, практически турбулентной системе, — было сказано раньше. И, безусловно, освоение подобных паразитических или, вернее, хремастических земель чревато множеством неизведанных проблем и сюрпризов. Скажем, субъектом потребления может стать в том числе и сама процессуальность, оформленная на первоначальном этапе в виде интеллектуальных программ (а затем — интенсивно развивающегося общества оных).

Возвращаясь к текущей ситуации, необходимо отметить, что

к возникновению и развитию нынешнего кризиса привлекались, примешивались сопутствующие, конъюнктурные факторы наподобие издержек от ипотечного кризиса (наследие демократов — администрации Билла Клинтона) и ведения двух войн (наследия республиканцев — администрации Джорджа Буша). Да и прочие элементы, неизбежные при освоении новых, пусть и виртуальных земель, с многочисленными лакунами в международном правовом и управленческом режиме.

В операциональном же отношении феноменология движения обезличенных («распредмеченных») ресурсов в виде финансовых средств также претерпевает серьезные изменения. Происходит постепенное, плавное перемещение пространства актуальных операций из-под зонтика столь привычных в данной сфере институтов (инвестиционных и коммерческих банков, хедж-фондов, иных финансовых корпораций) к относительно экзотичным на сегодняшний день, «частным», но набирающим силу формам виртуально-коммуникационной практики, выраженной в новой институциональной генерации. Это такие форматы, как, скажем, расчетные единицы социальных сетей, порталов, различных коммуникационных корпораций, обладающих собственной спецификой и траекторией развития.

Так что в основе нынешнего кризиса были как принципы фундаментального инновационного переворота и последующего «землеустройства», так и практичное, прагматичное освоение открывшихся возможностей, стремительное заглывание, переваривание возникающей социальной инакости. Подобные процедуры, естественно, оказываются чреватыми осложнениями, дестабилизацией, а порой — и деструкцией. Ибо разрушается

предыдущая структура и создается новая целостность. Как правило, процесс этот проходит болезненно.

Опознавание имен

Итак, экономика есть составная часть практики человеческого общежития. И, в сущности, так называемые неэкономические компоненты мирового кризиса являются основополагающими ферментами экономического переворота.

Сейчас, после сбоя «часов Просвещения», судя по всему, выстраивается новый порядок вещей. Мы не знаем точно, какое место в нем будет отведено экономике.

Нынешний кризис — это не столько причина, сколько симптом переживаемого глобального перелома, прорастания иной формулы организации мироустройства, выстраивания иной его конструкции. Экономика — своего рода большая игра, которая может вестись по изменчивым, подвижным правилам, подчас обгоняющим уже опознанные закономерности и ранее сформулированные прописи. Диапазон доступных инструментов и средств зависит тут от возможностей и психологии, точнее, от социальной ментальности деятельного игрока.

Мы знаем разные формы организации человеческого общежития: Древний мир, Античность, Средние века, Модернити. Сейчас, после сбоя «часов Просвещения», судя по всему, выстраивается новый порядок вещей. Мы не знаем точно, какое место в нем будет отведено экономике. Не ясен нам и целостный лик современной эпохи. Знаем лишь, что она гораздо плотнее будет связана с разного рода нематериальными активами, культурой,

новой рациональностью, креативностью, разнообразными политическими метаморфозами, т.е. со всем тем, что до сих пор рассматривалось как относящееся к иным, внеэкономическим сегментам практики.

Может быть, финансово-экономические игры продолжат расширяться до финансово-информационных и финансово-политических форматов. Тогда все эти игры в кредит, управление рисками и проращивание различного рода деривативов окажутся лишь побегам гигантского вир-

туального дерева постсовременной хрематистики. А возможно — по крайней мере, не исключено — что в конце концов возобладает трансэкономическое целеположение человека, и тень обретет свое место.

Человек способен «играть» по весьма различным и изменчивым правилам. Иногда эти правила ставят исследователя в тупик.

Человек способен «играть» по весьма различным и изменчивым правилам. Иногда эти правила ставят исследователя в тупик.

В начале изложения я упоминал «тропические формы» экономической практики, но то же относится к нематериальным ритуалам и повседневности постсовременных «воздушных племен». Однако описывая данную деятельность подобным образом, мы представляем ее глазами «классического наблюдателя», в то время как для публики, играющей в глобальном казино по высочайшим и сверхвысоким ставкам, процесс может иметь радикально иной смысл.

Обмен бус и стекляруса на фрукты и сушеную рыбу с точки зрения «неклассического наблюдателя» из среды архаики представлял собой не торговый обмен, а обмен дарами.

Так и здесь возникает другая социокультурная операция, имеющая принципиально иной контекст, где понятия торговли и экономики отходят постепенно на вторые роли.

Итак, нынешний кризис, безусловно, основан на сдвигах в культурной среде и должен рассматриваться и осмысливаться в русле философских энергий, как ни наивно это прозвучит в современном «прагматичном» обществе. Но именно мировоззрение является платформой для постулирования той или иной правовой системы. В данном же случае — глобальных, находящихся в становлении правил будущей «бесконечной игры» (perennial game). И вот тут я бы сделал одно теоре-

тическое замечание, попутно назвав «нынешнюю» (не «современную») экономику экономикой трансфинитной, которая избрала в качестве аксиомы возможность оперировать в сфере практики канторовским пониманием актуальной бесконечности — иначе говоря, решила производить на данной основе крупномасштабные, комплексные хрематистические операции.

В сущности, это сокрушает прежние экономические режимы, их культурные и философские основания, в том числе уничтожает мир «реальной экономики» (во всей двусмысленности данного выражения), заставляя слишком многое переосмысливать и прочитывать заново. А заодно формирует новую рациональность, объединяющую в единый комплекс материальную и психическую реальность, и одновременно наносит серьезный удар по ресурсной экономике, что, повторюсь, способствует вполне определенному перераспределению земной власти.

И последнее. Сегодняшний кризис начался не в 2008, 2000 или 1997 г. и даже не на обозначенном рубеже 1960—1970-х гг. Хотя именно тогда многое начало выходить на поверхность. Подобные игры, конечно, можно называть экономическими, только вот содержание их за прошедшие годы значительно изменилось. Сегодня императивно востребована адекватная происходящим процессам категориальная лексика, хорошо отраженное понимание того, чем может стать постсовременная экономика, но, по-видимому, реальный и эффективный результат в этой сфере достижим лишь в рамках новой теории, построенной на существенно измененных методологических принципах и основаниях.

Ну, а пока правит бал царство практики ad hoc, где квалификация явно проигрывает компетенции. ■

ПЭС 9157/29.06.2009

